

«Возможные» и «невозможные» миры в фольклоре

Достоверность является одним из ключевых понятий многих наук – философии, гносеологии, логики, теории вероятности, лингвистики и др. Семантика эпистемической оценки высказывания, т. е. оценки по критерию «истинное/ложное», «соответствующее/не соответствующее действительности», сопровождает восприятие практически любого высказывания, составляет основу его прагматической характеристики. Соответственно, категория достоверности имеет непосредственное отношение и к фольклористике. Проблема реализации в фольклорном тексте этой категории входит в фундаментальную проблему отношения фольклора к реальной действительности. Именно этот параметр лежит в основе базовой классификации фольклорной прозы на тексты с установкой на вымысел (сказочная проза) и тексты с установкой на достоверность (мифологические рассказы, предания, легенды и др.).

Установка на достоверность или же установка на вымысел задают модальную рамку текста и целый ряд сущностных параметров жанра: систему действующих лиц, позицию рассказчика по отношению к сообщаемому, характер хронотопа – степень условности и конкретности деталей, характер соотношения с реальной окружающей рассказчика действительностью. Все эти параметры получают маркировку в фольклорном тексте и сразу же опознаются – это те свойства, которые входят в систему жанровых ожидааний слушателя и составляют «жанровый портрет» текста.

В отличие от категории истинности, которая дихотомична (высказывание либо истинно, либо ложно), достоверность градуируема по степени полноты истинной информации (высказывание может быть достоверно – более вероятно – менее вероятно – проблематично – недостоверно). Достоверность – прагматическая категория, зависящая от воспринимающего субъекта. В оценке текста как достоверного важно не только и не столько соответствие содержания текста действительности, сколько мнение говорящего о наличии такого соответствия. Именно поэтому тексты устной культуры с установкой на достоверность всегда рассматривались в фольклористике как источник информации о верованиях носителей традиции. Маркеры же достоверности могут служить показателями степени вовлеченности информанта в традицию, а также уровня актуальности тех или иных традиционных представлений для конкретной локальной группы и ареала.

Достоверность тесно связана с категорией эвиденциальности – «засвидетельствованности», в сферу которой входит указание на источник сведений. Традиционно эвиденциальность подразделяется на прямую, предполагающую отсылку к непосредственному опыту говорящего (когда он сам был наблюдателем или участником описываемых событий), и непрямую, когда говорящий основывается на данных, которые ему сообщили.

Эти особенности позволяют описать круг исследовательских проблем, возникающих при изучении фольклорного текста в указанном ракурсе.

Основная проблема исследований устной традиции состоит в выяснении того, как рассказчик относится к сообщаемому и как он выражает в тексте эпистемическую оценку. Вполне очевидно, что наиболее важным способом верификации сообщений в фольклорном тексте является ссылка на источник информации.

Маркированным является сам тип источника. С одной стороны, следовало бы ожидать, что в текстах достоверной прозы должны использоваться прежде всего показатели прямой эвиденциальности – личные свидетельства участника описываемых событий как наиболее соответствующие прагматическим задачам текста. Однако исследования показывают не меньшую (а возможно, и бóльшую) актуальность способов непрямого засвидетельствования: ссылки на свидетельство очевидца, состоящего в личных отношениях с рассказчиком, авторитетного очевидца¹ (при этом могут возникать коммуникативные цепочки, состоящие из нескольких звеньев), ссылки на анонимное свидетельство, молву². Таким образом, показателем «истинности» сообщения может служить как близость рассказчика к событию текста, так и дистанцирование от него, утверждение себя лишь в роли передаточного звена в трансляции рассказа.

Возникает вопрос о соотношении этих способов верификации сообщений. Можно ли шкалировать формы ссылок на источник по степени достоверности? Или же они представляют собой ряд

¹ С.Ю. Неклюдов, анализируя устные нарративы о снежном человеке, приводит в качестве примеров таких авторитетных очевидцев учителя, начальника, военного (см.: *Неклюдов С.Ю. Дополненная реальность мифа, или «Фантом-3»: легенда о снежном человеке [рукопись]*).

² В архаических традициях также отмечен специфический способ засвидетельствования – персонифицированный посредник «слово-песня», некое «одушевленное повествование» (см., например: *Новик Е.С. Способы засвидетельствования и типы повествователя в архаическом фольклоре народов Сибири // Russian Literature. 2012. Vol. 71. Issues 3–4, 1 April – 15 May. P. 401–419. DOI:10.1016/j.ruslit.2012.06.010*).

вариантных форм, допустимых традицией, сосуществующих совместно – как разные прагматические стратегии выражения одной и той же семантики достоверности? Требуется исследовательского внимания и сама форма осуществления отсылки к источнику информации – пересказ с упоминанием источника, использование клишированных речевых моделей («у нас говорили», «говорят» и др.), цитация и даже инсценировка по ролям чужого рассказа.

Другой аспект проблемы, требующий обсуждения, – анализ рефлексии говорящего о достоверности/недостоверности сообщаемого им. Перед исследователем традиции всегда остается вопрос – понимание того, как рассказчик в мифологическом тексте оценивает достоверность или иллюзорность описываемых событий, как определяются в тексте границы между миром обыденным и сверхъестественным. Следует иметь в виду, что эксплицитные рассуждения информанта на эту тему далеко не всегда соответствуют реальному состоянию традиции и подлежат анализу. В связи с этим возникает проблема поиска и описания объективных маркеров достоверности, по которым можно с большей степенью вероятности судить о том, как говорящий оценивает описываемое мифологическое явление с точки зрения реальности/ирреальности. Очевидно, этот материал может дать анализ языковой ткани текста – таких маркеров, которые не могут сознательно контролироваться говорящим, специальной лексики поля достоверности. Кроме того, для выяснения эпистемической оценки в тексте может быть показательна лексика восприятия, ментальная лексика, лексика с семантикой неожиданности.

Вопрос о влиянии установки на достоверность на вербальную сторону текста может быть поставлен более широко. Для фольклорных текстов с установкой на достоверность первичной является информативная функция и гораздо в меньшей степени (если она вообще релевантна) – эстетическая, в отличие от жанров, где конструируется особый фольклорный мир, не совпадающий с миром коммуникативной ситуации. Это находит отражение и на вербальном уровне. Тексты с установкой на достоверность включены в повседневную спонтанную коммуникацию и формально практически не выделены из речевого потока, тогда как жанры с установкой на вымысел, художественную условность (сказки, песни, частушки и др.), для которых нерелевантна оценка содержания с точки зрения истинности, имеют достаточно жесткую и определенную формальную структуру.

Отдельная проблема для изучения – коммуникативная ситуация бытования фольклорного текста и ее элементы, обусловленные действием категории достоверности. Проблема имеет целый ряд аспектов. Прежде всего это влияние собирателя на форму

получаемого от информанта текста и в том числе выражение информантом оценок, маркированных элементов. Возникающие между собирателем и носителем фольклора отношения находят выражение в том числе в вербальной стороне текста.

Кроме того, характер информации в тексте, прагматика жанра могут определять характер оценок и степень интенсивности их выражения. Сопоставление легенд (рассказов религиозного содержания) и быличек (рассказов демонологического содержания) очень в этом смысле показательно – рассказчик в религиозном нарративе более активно и настойчиво выражает смысл достоверности, более активно использует это маркеры достоверности для реализации стратегии убеждения. Это обуславливает и структурные характеристики жанра (например, устойчивый для религиозного рассказа образ скептика, на которого тем не менее произвело впечатление событие текста, для мифологических рассказов в целом неактуален). Очевидно, эти особенности также обусловлены характеристиками коммуникативной ситуации – рассказывание былички обычно происходит между людьми, в равной степени погруженными в традицию, а религиозный дискурс – это всегда проповедь, пусть даже имплицитная.

Еще одна актуальная проблема – это влияние исследовательской оптики на восприятие текстов народной культуры в категориях достоверности/недостоверности. Столкновение картин мира и культурных парадигм носителя фольклора и исследователя может приводить к искажению результатов, к выводам, не адекватным исследуемой традиции. Это наблюдается при интерпретации исследователем культурных фактов, не имеющих соответствия в его собственной культурной парадигме, как «мифологических» и «не существующих в действительности».

Круг проблем, напрямую связанных с понятием достоверности фольклорного текста, как видим, достаточно широк. Обсудим некоторые из них.

В.А. Черванёва